

Глава 15. Остаться

Мо Си тяжело вздохнул, снял верхний халат, завернул в него Нин Цзэ и, подхватив на руки, поднялся в воздух — полётом на мече прямо на Пик Цинхуа.

Каким бы жёстким ни было его сердце, смотреть, как Нин Цзэ падает в обморок прямо у порога, было выше его сил.

Ладно уж.

Раз мальчишка так настаивает на том, чтобы остаться, — больше гнать его не станет. Каких-то сто лет — невелика потеря. Сам он вряд ли вознесётся так скоро, а через сто лет Нин Цзэ, скорее всего, истратит отпущенный ему срок и вернётся в колесо перерождений.

Присмотрит за ним эти сто лет. Велика беда.

Очнувшись, Нин Цзэ увидел у кровати чью-то фигуру.

В следующий миг он резко пришёл в себя.

Мо... Мо Си?

Последнее, что он видел перед тем, как потерять сознание, — было лицо Мо Си...

Значит... Мо Си его сюда... принёс?..

«Мо Си» и «принёс на руках» — эти два слова никак не желали укладываться в одну мысль. Нин Цзэ застыл.

Подождите. Мо Си. Принёс. Его. На руках?!

Даже его живой ум завис на несколько секунд — прежде чем снова заработал.

Нин Цзэ осторожно покосился в сторону.

Только сейчас — по-настоящему, вблизи — он смог рассмотреть Мо Си.

Плавный силуэт, высокая стройная фигура... Хм. В прошлой жизни Нин Цзэ тоже был ниже его — а теперь и вовсе едва доставал до груди.

Выше — среди гладких прядей — белела шея, ослепительная на фоне чёрных одежд и тёмных волос.

Нин Цзэ невольно сглотнул.

Мо Си тем временем принял от ученика чашу с лекарством, обернулся — и только тут заметил, что Нин Цзэ уже не спит.

Он привычно опустился на край кровати:

— Очнулся?

Нин Цзэ отвёл взгляд. И лишь теперь почувствовал, как всё тело ноет — словно его пропустили под каменным катком. Попытался пошевелить пальцем и тут же зашипел сквозь зубы, невольно скривившись.

На лице Мо Си мелькнула лёгкая улыбка. Он протянул руку, помог Нин Цзэ сесть и прислонил к себе.

Расстояние между ними резко сократилось — и Пожирающая души лиана, мирно дремавшая в рукаве хозяина, испугалась близости Мо Си, молнией вырвалась наружу и нырнула под кровать.

Мо Си слегка приподнял бровь. Лиана нехотя выползла обратно.

— Вон отсюда, — произнёс он.

Лиана, будто получив помилование, прошмыгнула в щель под дверь и исчезла.

Нин Цзэ краем глаза наблюдал за этой сценой и подумал: а ведь эта тварь в обычное время не стесняется оставлять синяки у него на руках. Что называется — на слабых давит, перед сильными стелется.

Мо Си одной рукой поддерживал Нин Цзэ за спину, другой поднёс к его губам чашу с лекарством.

Нин Цзэ, которого только что выставили за порог, теперь вдруг оказался окружён такой заботой, что голова шла кругом.

Он, конечно, был человек бывалый и не должен был терять самообладание... но эта поза — эта ситуация — явно выходила за все мыслимые пределы его выносливости.

Нин Цзэ был мал ростом и сложением, а потому почти целиком оказался в кольце рук Мо Си. Стоило чуть поднять голову — и перед глазами оказывались подбородок, шея... Нин Цзэ невольно начал воображать, что скрывается под воротом халата. Плечи... грудь...

— Что случилось? — голос Мо Си разбил образ вдребезги.

Но взгляд тут же упал на нефритовую чашу и длинные пальцы, которые её держали, — и мысли снова поплыли куда не следует.

А ведь рука, которая сейчас поддерживает его спину, — тоже его...

Мо Си уже во второй раз за день нахмурился.

Нин Цзэ поспешно взял себя в руки, не позволив ни единому намёку на творящийся у него в голове хаос просочиться на лицо, и произнёс совершенно естественным тоном:

— Верховный старейшина, позвольте мне выпить самому.

Мо Си смерил его подозрительным взглядом. Нин Цзэ едва заметно поджал губы и потянулся за чашей.

За этот день и ночь Мо Си успел примерно понять характер мальчишки — и без лишних слов убрал руку.

Когда рука отодвинулась, Нин Цзэ наконец выдохнул.

«Он... боится меня?»

Наблюдая за выражением его лица, Мо Си поймал себя на этой мысли.

Почему-то стало немного не по себе. Впрочем, стоило вспомнить собственную вечно холодную манеру держаться — и удивляться было нечему. Даже среди учеников Тяньсюань мало кто его не побаивался. Что уж говорить о мальчишке из простого мира.

На том и успокоился.

Нин Цзэ же и не подозревал, сколько мыслей пронеслось у Мо Си за эти мгновения, — он был занят другим. Внутренне стонал, глядя на чашу в своих руках.

Ладони и ноги — отмороженные за день и ночь — всё ещё не слушались.

Маленькая нефритовая чаша весила, казалось, не меньше булыжника. Но он сам вызвался пить самостоятельно — значит, надо держаться. Признаться, что не справляется, было невозможно; а кроме того, Нин Цзэ физически не мог вынести мысли о том, чтобы Мо Си снова кормил его с рук.

Раньше он и мечтать о таком не смел. Но теперь, когда это едва не произошло по-настоящему, — у него не нашлось духу принять это как реальность.

Слишком похоже на сон.

Мо Си решил, что мальчишка просто не хочет пить горькое лекарство — дело обычное. Он и сам несколько дней нянчился с Сюань Чжи в детстве, так что в детских причудах кое-что понимал. Поэтому просто ждал.

Нин Цзэ осторожно поднёс чашу к губам — и после долгих мучений всё-таки удержал её почти неподвижно...

Почти.

В самый последний момент запястье предательски подломилось. Чаша выскользнула из пальцев. Коричневая жидкость плеснула на одежду.

Нефритовая чаша глухо ударилась об пол и покатилась куда-то в угол.

Нин Цзэ почувствовал, что судьба его откровенно невзлюбила.

Сначала — обвинение Старшего брата Юня, мол, заодно с Государственным наставником. Потом — Мо Си, раскусивший историю с лианой и заимствованной духовной энергией. Потом — позорный обморок у самого порога, когда, казалось, уже почти вымолил согласие. И теперь вот это...

Нин Цзэ ещё переживал внутреннее крушение, когда всё тело стало невесомым.

Мо Си снова подхватил его на руки.

Простыня насквозь пропиталась лекарством — оставлять Нин Цзэ здесь было нельзя. На Пике Цинхуа Мо Си жил один, а пустых комнат хватало с избытком. Он выбрал первую попавшуюся и понёс туда мальчишку.

Пожирающая души лиана заметила движение и торопливо поползла следом — отставать от хозяина слишком далеко она не решалась. Но едва добралась до порога, дверь хлопнула прямо перед ней — Мо Си запер её заклинанием.

Лиана едва не угодила под косяк.

Нин Цзэ ещё не успел ни о чём подумать, а Мо Си уже тянул завязки его пояса.

Возразить он не успел — оглянуться не успел — как оказался раздет донага.

Нин Цзэ, неловко прикрывая самое важное руками, почувствовал, что хочет провалиться сквозь землю.

Не поступить в школу — и быть раздетым тем, кем восхищался все эти годы, кто казался небожителем, сошедшим в мир...

Что это вообще за поворот сюжета?

Мо Си между тем морщился, наверное, уже в десятый раз за сегодняшний день. Просто переодеть — разве это повод для такого... смущения? Оба — мужчины, чего тут стыдиться?

Он взглянул на мальчишку — и неожиданно для себя ощутил нечто похожее на веселье.

Достав из кольца-хранилища кусок мягкой ткани, Мо Си с невозмутимым видом принялся методично вытирать с кожи Нин Цзэ следы лекарства.

Нин Цзэ сопротивляться был не в силах — тело не слушалось.

Его ладони, которыми он пытался прикрыться, Мо Си попросту убрал в сторону.

В тот момент щёки Нин Цзэ залил такой румянец, что, казалось, вот-вот закапает кровь.

Он умел врать не моргнув глазом. Но ложь и нагота — это совершенно разные вещи. Тем более — нагота перед Мо Си.

И ладно бы просто смотрел... Но когда длинные пальцы скользнули по самым сокровенным местам, в голове у Нин Цзэ что-то взорвалось — яркое, беспорядочное, как праздничные огни. Даже нос защипало от жара.

— Подождите! Я сам! — неизвестно откуда взявшимися силами выпалил он, судорожно отталкивая чужую руку.

Растерянность Нин Цзэ почему-то пробудила в Мо Си игривость.

— Сам? — бровь слегка приподнялась, тон остался безмятежным. — И как же?

Одна фраза — и Нин Цзэ осознал масштаб своей беды.

Нормально управлять собственными руками он не мог. Последствия ночи на холоде никуда не делись.

Скрепив сердце, он позволил Мо Си закончить. Тот вытер его насухо и облачил в чистую одежду. Нин Цзэ мысленно благодарил всех богов за то, что тело у него сейчас детское — не дай небо случилось бы что-нибудь неуместное, позора было бы не оберёшься.

Но всё равно — едва вспомнил ощущение чужих рук на своей коже, по всему телу разлилась тягучая сладкая слабость.

Мо Си удовлетворённо оглядел теперь уже опрятного Нин Цзэ и вдруг обнаружил, что мальчишка, в общем-то, довольно мил.

Круглые щёки, чуть заострённый подбородок, честные круглые глаза. Короткие пухлые ручки, нежная мягкая кожа — приятная на ощупь...

... А румянец, до сих пор не сошедший с лица, — тоже по-своему мил.

Мо Си почувствовал лёгкое желание подразнить его. Якобы небрежно потрепал Нин Цзэ по голове, с удовольствием отметил, как тот вспыхнул ещё сильнее, — а сам сохранил совершенно бесстрастное выражение лица.

— Ты и правда хочешь остаться в Тяньсюань?

— Да. — Нин Цзэ не забыл о главном и постарался выпрямиться, насколько позволяло тело.

Мо Си слегка наклонил голову:

— На Пике Цинхуа мне нужен мальчик для уборки. Хочешь остаться?

Нин Цзэ поднял голову.

В глазах Мо Си плескалась тихая усмешка.

— Благодарю Верховного старейшину за милость, — медленно выдохнул Нин Цзэ, и на лице его расцвела улыбка. — Нин Цзэ бесконечно признателен.

Столько всего пережито — и всё-таки не зря.

«Четыреста лет... Наконец — рядом с тобой. Наконец — чего хотел.»

Мо Си больше ничего не добавил, молча кивнул и вышел.

Три дня лежал, выпил шесть доз лекарства — и Нин Цзэ наконец смог встать на ноги.

Хорошо ещё, что после первого раза переодевать его приходили другие ученики, а не Мо Си. Иначе — Нин Цзэ был в этом почти уверен — рано или поздно он сделал бы что-нибудь непростительное...

Впрочем, с этим телом — чего уж там сделаешь.

Он взглянул на свои маленькие руки и ноги, потом поднял взгляд на Мо Си, шагавшего впереди, — на которого приходилось смотреть снизу вверх. Тяжело вздохнул.

Мо Си показывал ему Пик Цинхуа.

Пик был просторным. С середины склона и выше стояли охранные построения, не пускавшие холод, — и ближе к вершине царило вечное тепло, цвели цветы, соперничая яркостью красок.

Настоящий рай. Вот только жил в нём, судя по всему, один Мо Си.

— Комнату выбери сам, — говорил тот, не оборачиваясь. — С этих пор Пик Цинхуа на твоём попечении. В кабинете полно книг по культивации — можешь читать. Что непонятно — спрашивай. Твой нынешний статус — внешний ученик. Раз в месяц тебе полагается один духовный камень низшего сорта. Это твой именной знак...

Он бросил Нин Цзэ нефритовую пластинку.

Нин Цзэ всё это знал и без того — но слушал внимательно, не пропуская ни слова.

Мо Си, похоже, оценил такое отношение:

— За горой есть горячий источник. Еду раз в месяц будут доставлять. Если чего-то не хватает
— иди к Старейшине Суню, скажи, что это я прошу.

— Понял, — ответил Нин Цзэ и постарался запомнить каждое слово.

<http://bllate.org/book/17490/1711525>